

его, тихо, осторожно спускаясь съ лѣстницы, стараясь никого не разбудить. Перешли улицу. Около академіи сторожъ уже очищалъ свѣтъ. Вошли въ зданіе. Утренняя темнота показалась мнѣ здѣсь даже страшна, въ особенности когда сторожъ подошелъ бряча ключами и неся въ рукахъ фонарь; мерцающій свѣтъ падалъ на гипсовые статуи, разставленные тутъ повсюду; при каждомъ поворотѣ фонаря бѣлая статуя, какъ тѣнь, выступала изъ глубины мрака и опять исчезала, и вмѣсто нея въ другомъ углу выступала другая и такъ же исчезала. Я зналъ, что это не тѣни, зналъ, гдѣ каждая статуя стоитъ, зналъ даже каждую статую, такъ сказать, наизусть, и все-таки послѣ плохо-проведенной ночи было непріятно смотрѣть. Пока мы установили эскизы и устроили для него особенный боковой свѣтъ, трубы противоположныхъ домовъ стали видны—показалась заря, и скоро совсѣмъ разсвѣло. Кончивъ все, я пошелъ домой, легъ и крѣпко заснулъ... Проснувшись, я не всталъ, а вскочилъ и побѣжалъ въ академію. Былъ уже 11-й часъ, и экзаменъ кончился. Волненіе мое было сильно. Я встрѣтилъ сторожа, но онъ не торопился подойти ко мнѣ поздравить, чтобы получить на чай, какъ они всегда дѣлали. Я смутился и быстрыми шагами вошелъ въ экзаменаціонный классъ. Около моего эскиза стояла масса народа, и звонкій, юный, беззабѣдливый хохотъ обдалъ меня. Хохотали и острили по поводу выставленнаго мною эскиза. На меня смотрѣли кто съ сожалѣніемъ, кто съ досадою, кто злорадно; иные просто такъ смѣялись, потому что было весело. Одни находили, что мой эскизъ—дерзость; другіе видѣли въ немъ упадокъ; третьи говорили, что это фантазія, бредъ больного человѣка. Въ особенности потѣшались архитекторы. Они считали себя особенно избранными и не очень охотно братались съ живописцами; по крайней мѣрѣ въ нашемъ кружкѣ ихъ не было. — Ну, вотъ, — началъ одинъ скульпторъ, подойдя ко мнѣ, — вамъ бы сдѣлать тамъ дверь, а за нею еще комнату, а тамъ еще и еще, и въ послѣдней сѣсть и распивать чай. — „А вапша голая вакханка, стоящая на морозѣ въ двадцать-пять градусовъ, болѣе логична? — отвѣтилъ я ему съ сердцемъ: — вы рабы, жалкіе подражатели, работники, ничтожество!“... То ли, что онъ не ждалъ отъ меня подобнаго отвѣта, то ли, что выраженіе моего лица уже особенно поразило его, но онъ ничего больше не сказалъ. Я бросился домой, но дома не сидѣлось; побѣжалъ обратно въ академію. Я чувствовалъ себя, какъ долженъ чувствовать маленькій, слабый звѣрокъ, почувшій, что попалъ въ опасное мѣсто. Въ академіи искали меня отъ имени инспектора. Инспекторъ встрѣтилъ приблизительно слѣдующую фразу: — А, вотъ хорошо, что вы пришли; мнѣ поручено